

УЪЗДКА ВЪ ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ

ЛЪТОМЪ 1889 ГОДА.

чл.-сопр. *О. М. Истомина.*

(Чтано въ Общемъ Собраніи П. Р. Г. О. 13 декабря 1889 г.).

омъ 1887 года архангельскій губернаторъ князь Н. Д. Го-
 предпринялъ поѣздку для ознакомленія съ обширнымъ,
 тупнымъ и малоизвѣстнымъ Печорскимъ краемъ, занимаю-
 ъверо-восточный уголь Европейской Россіи и обнимающимъ
 асти уѣздовъ: Чердынскаго, Пермской губерніи, Усть-Сысь-
 ьологодской губерніи и обширнѣйшую часть Мезенскаго уѣзда
 ельской губерніи. Результатомъ этой поѣздки явилась обстоя-
 „Записка“ князя „по обозрѣнію Печорскаго края“, въ которой
 зпосторонне обозрѣвъ край, обратилъ вниманіе правительства,
 ѣшимъ образомъ, на нужды Печорскаго края въ предѣлахъ
 ельской губерніи и на его естественныя богатства. Записка
 апечатана и вмѣстѣ съ тѣмъ представлена на Высочайшее
 зрѣніе. Благотворные результаты такого акта не замедлили
 ся въ ближайшемъ времени. Рядомъ съ правительственными
 ѣятіями, направленными къ удовлетворенію нѣкоторыхъ нуждъ
 нія, было обращено вниманіе и на естественныя богатства
 покоющіяся въ его нѣдрахъ и ожидающія точныхъ изслѣдо-
 ѣй. Министерствами Государственныхъ Имуществъ и Внутрен-
 ѣ Дѣлъ въ истекшемъ году снаряжена была геологическая эк-
 діція подъ начальствомъ д. чл. нашего Общества геолога *О. Н.*
 ышева для обширныхъ изслѣдованій въ Тиманскомъ хребтѣ,
 легающемъ по Печорскому краю въ юго-западномъ направленіи.

(142)

Касчет Севера.

1966 г.

43111
Касчет Севера
Библиотека

1955

11946

29996

914
И-89.

Императорское Русское Географическое Общество, не въ предѣлахъ возможнаго свои средства и силы на из своего отечества и уже обращавшее свое вниманіе на этъ восточный уголъ Россіи, участвуя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ диціи профессора Гофмана, а также напечатавшее затѣмъ н. цахъ своихъ изданій за тѣ же годы обстоятельный дневникъ ствія по Печорѣ В. Н. Латкина, не осталось равнодушны слѣдованію Печорскаго края и на этотъ разъ. Составъ Министерства Государственныхъ Имуществъ Общество прил лезнымъ увеличить со своей стороны включеніемъ въ нее представителей. Сочувственно отнесясь къ предложеніямъ Отдѣлен. Общей Географіи и Этнографіи, Совѣтъ Общества обратилъ сво. сходатайство къ г. министру государствъ о включеніи въ составъ экспедиціи астроно. отдѣленія геогра. фическихъ координатъ и о прикоманд. н. на средства Общества, члена для изслѣдованій этногр. и другое было сочувственно принято статсъ-секретаремъ Общес. ств. скимъ.

Этнографическія изслѣдованія въ Печорскомъ кра. угодно было возложить на меня. Войдя въ непосредственн. о. шенія съ Ѳ. Н. Чернышевымъ, я узналъ, что экспедиція его, раз. считанная на нѣсколько лѣтъ, въ 1889 году предполагала по. святить свои работы главнымъ образомъ району р. Вычегды, въ предѣлахъ Вологодской губ. Знакомство съ насе. леніемъ Печорскаго края, р. чоры и главнѣйшихъ ея при. вмѣстное слѣдованіе мое съ экспедиціей. шился просить вице-предсѣдателя Общества разрѣшить мнѣ, отдѣ. лившись отъ экспедиціи, самостоятельно слѣдовать по маршруту который тогда же былъ мною предложенъ и направлялся изъ дѣловъ Пермской губерніи, въ возможно верхнее теченіе Печ. и затѣмъ внизъ по теченію этой послѣдней чрезъ губерніи Во. годскую и Архангельскую вплоть до впаденія Печоры въ океанъ. Со стороны высокоуважаемаго Петра Петровича Семенова на это воспослѣдовало разрѣшеніе и такимъ образомъ на мою долю выпало совершить путешествіе по обширному и малоизвѣданному Печорскому краю отдѣльно отъ экспедиціи.

Сверхъ наблюдений и изслѣдованій этнографическихъ я, воспользовавшись указаніями предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Географіи Математи Алексѣя Андреевича Тилло, взялъ на

себя задачу попутно наносить на карту доступныя мнѣ дополненія и исправленія; сверхъ того Императорская Археологическая Комиссія съ своей стороны возложила на меня порученіе по части собиранія свѣдѣній о памятникахъ древности и приобрѣтенія археологическихъ предметовъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 13 октября я уже имѣлъ случай представить образчикъ тѣхъ детальныхъ этнографическихъ изслѣдованій, какія мнѣ удалось произвести во время моего путешествія. Императорской Археологической Комиссіи я представилъ отчетъ о посильномъ выполненіи возложеннаго на меня порученія, таковой же отчетъ по исправленію карты представленъ мною и на усмотрѣніе А. А. Тилло¹⁾. Въ настоящемъ сообщеніи я постараюсь ознакомить собраніе съ общимъ характеромъ моего путешествія, изъ котораго видна будетъ и характеристика страны мною посѣщенной, представлю общія свѣдѣнія объ обитателяхъ и укажу на нѣкоторыя достопримѣчательности края, разумѣется, по возможности сжато, въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія могутъ допустить время и размѣры одного сообщенія.

Отправляясь въ путь, я зналъ, что ѣду въ страну глухую и малонаселенную, гдѣ трудно и даже невозможно будетъ достать что бы то ни было изъ необходимаго для путешественника, если не запастись всѣмъ заблаговременно; съ другой стороны, мнѣ извѣстно было также и то, что попадать въ Печорской край изъ мѣстностей прилежащихъ и выбираться изъ него, такъ сказать, на материкъ Россіи—дѣло не легкое, сопряженное съ обязательнымъ плаваніемъ по мелко-воднымъ и порожистымъ рѣчкамъ, могущимъ заставить путешественника выбросить за бортъ не только излишекъ багажа, но и вещи необходимыя; не безъизвѣстно было мнѣ также и то, что на пути моемъ встрѣтятся пѣшіе переходы, гдѣ багажъ мой долженъ быть переносимъ на рукахъ, быть можетъ, моихъ собственныхъ и немногочисленныхъ спутниковъ моихъ. Все это заставляло меня заранѣе сѣзуть до минимума мои потребности и ограничиться снаряженіемъ самымъ легкимъ, только самымъ необходимымъ. Не смотря на предупрежденія людей знающихъ, что, отправляясь на Печору, нужно прилично оснаститься, нужно запастись раскидной палаткой и проч., я рѣшился путешествовать налегкѣ, противопоставивъ климатическимъ невгодамъ свою

¹⁾ Доложено въ засѣданіи Общей Географіи 28-го ноября и постановлено: передать въ Военно-Топографической Отдѣль Главнаго Штаба.

натуру, нѣсколько привычную уже къ негостепримнымъ подчасъ проявленіямъ Сѣвера. Защитой отъ дождей долженъ былъ служить мнѣ дождевой плащъ, отъ холода шуба, она же, помѣщаясь въ наволокъ, была и постелью, а отъ возможнаго голода—ружье. Эти три вещи, независимо отъ обычныхъ принадлежностей, были главнѣйшими предметами моего снаряженія и дѣйствительно сослужили мнѣ хорошую службу. Не смотря на лѣтнюю пору, шубу мнѣ пришлось износить, а ружье подъ конецъ путешествія было почти единственнымъ источникомъ моего пропитанія. Разумѣется, нельзя было забыть и походной аптечки, которая была снаряжена мною по любезнымъ указаніемъ чл.-сотр. И. Р. Г. О. доктора А. В. Елисеѣва. Сверхъ этого я рѣшился затратить еще десятую часть ассигнованной мнѣ суммы на фотографическій аппаратъ.

22-го мая, выѣхавъ изъ Петербурга, я направился черезъ Рыбинскъ по Волгѣ и Камѣ въ городъ Пермь. Встрѣтивъ здѣсь въ высшей степени любезную готовность содѣйствовать мнѣ въ путешествіи со стороны пермскаго губернатора Василія Викторовича Лукошкова и получивъ отъ него „открытое предписаніе“ полицейскимъ и сельскимъ властямъ губерніи объ оказаніи мнѣ всякаго содѣйствія, я на небольшомъ пароходѣ по Камѣ, Вишерѣ и Колвѣ отправился въ городъ Чѣрдынь, куда и прибылъ 2-го іюня.

Съ Чердыни начинается собственно мое путешествіе, поэтому я и не останавливаюсь на описаніи предшествующаго пути. Замѣчу только, что во все время слѣдованія моего по Волгѣ, Камѣ и Вишерѣ погода была крайне неблагоприятная; сильные холода смѣнились подъ конецъ частыми дождями, что, разумѣется, не могло служить утѣшеніемъ въ виду предстоящаго мнѣ путешествія, съ началомъ котораго прекращались уже обычные въ цивилизованныхъ странахъ способы передвиженія. Къ числу такихъ же неблагоприятныхъ видовъ на будущее можно было бы отнести и настойчивые совѣты моихъ новыхъ знакомцевъ въ Перми—запасть въ что бы то ни стало револьверомъ, ибо въ Чердынской глуши не мало бродячихъ сибирскихъ бѣглецовъ, такъ называемыхъ варнаковъ, всегда готовыхъ поживиться на счетъ путешественниковъ; но я не принялъ горячо къ сердцу этихъ, хотя бы и сочувственныхъ мнѣ совѣтовъ; имѣя въ виду путешествовать по деревнямъ и зная, по прежнимъ опытамъ, характеръ населенія русскаго Сѣвера, я не могъ рѣшиться готовить заранѣе спеціально направленное противъ людей смертоносное оружіе. На случай неблагоприятныхъ встрѣчъ я

считалъ достаточнымъ мое вооруженіе общаго характера — ружье и, въ крайнемъ случаѣ, мой солидный кинжалъ, годный и на звѣря.

Въ Чёрдыни, этомъ послѣднемъ, на сѣверо-востокѣ Россіи, но въ высшей степени чистомъ, благоустроенномъ и въ то же время богатомъ городѣ, мнѣ пришлось прожить 4 дня. Радужно встрѣченный мѣстнымъ временнымъ исправникомъ Н. В. Азаровымъ, председателемъ управы Н. С. Селивановымъ и многими изъ лицъ мѣстной интеллигенціи и купечества, я нашелъ здѣсь широкое содѣйствіе, сочувственные совѣты и полезныя указанія для дальнѣйшаго моего путешествія. Четырехдневное мое пребываніе здѣсь было вызвано наведеніемъ справокъ о времени предполагаемаго отправления на сѣверъ къ Печорскому волоку небольшого пароходика, который тогда ожидался въ Чердынь. Справка оказалась не совсѣмъ благопріятной; мнѣ предстояло ожидать парохода еще 5 сутокъ; столь продолжительному ожиданію хотя бы и удобнаго для меня случая я предпочелъ немедленное отправление въ лодкѣ, при чемъ мнѣ предстояло на выборъ два пути: одинъ обычный и прямой путь, на дер. Фадину, по Колвѣ, Вишеркѣ и дальнѣйшимъ рѣчкамъ на 10-ти верстный Печорскій волокъ и далѣе по р. Волосницѣ до дер. Усть-Волосницы на Печору, что составляетъ около 300 верстъ, и другой путь на Тулпанъ, малоизвѣстный и уклоняющійся въ сторону, а именно вверхъ по Колвѣ по направленію къ Уралу, до дер. Нерпинской, что составитъ до 260 верстъ и затѣмъ 30-ти верстный сухопутный переходъ на верховья р. Уньи, впадающей въ Печору выше дер. Усть-Волосницы на 70 съ лишнимъ верстъ. Я предпочелъ второй изъ названныхъ путей, во-первыхъ потому уже, что онъ малоизвѣстенъ, затѣмъ потому, что на немъ, начиная съ развѣтвленія этихъ путей, я долженъ былъ встрѣтить около 20 деревень, между тѣмъ какъ на первомъ только одну, что для моей этнографической задачи являлось бы менѣе выгоднымъ; третьимъ обстоятельствомъ за Тулпанскій путь было и то, что по немъ до извѣстныхъ предѣловъ проходитъ все таки земскій водный трактъ, котораго не существуетъ вовсе на Фадинскомъ пути. Нѣкоторая населенность избраннаго мною пути давала надежду на возможность достать людей для дальнѣйшаго передвиженія, между тѣмъ какъ въ единственной Фадиной деревнѣ, лежащей далеко менѣе чѣмъ на полпути, я рисковалъ остаться на долго въ ожиданіи людей, которые въ эту пору развѣзжаются обыкновенно на рыбную ловлю. Желаніе захватить Печору въ ея верховьяхъ у первыхъ на-

селенныхъ пунктовъ взяло, разумѣется, перевѣсъ надъ большими естественными трудностями и преградами, значительно отличающими этотъ Тулпанскій путь отъ обычнаго, хотя тоже далеко не легкаго Фадинскаго пути.

Пребываніемъ въ Чердыни я воспользовался между прочимъ для того, чтобы исполнить значительную часть порученій Императорской Археологической Комиссіи, причѣмъ мнѣ удалось собрать чрезъ посредство представителей земской управы нѣкоторыя данныя по археологіи Чердынскаго края. Здѣсь же мнѣ нужно было довершить и мое окончательное снаряженіе, заключавшееся въ нѣкоторомъ запасѣ провизіи на первое время пути и въ наймѣ человѣка-проводника. Эту мѣру, я считалъ необходимою и полезною въ пути, во-первыхъ, чтобы не быть въ полномъ одиночествѣ на случай болѣзни или другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а также и для того, чтобы съ большею выгодною воспользоваться путешествіемъ, имѣя подъ рукою человѣка бывалаго и въ особенности знакомаго съ языкомъ зырянъ, страну которыхъ мнѣ необходимо было пересѣчь; разумѣется, онъ нуженъ былъ мнѣ и какъ помощникъ. Не безъ труда удалось мнѣ найти такого человѣка, съ платою по 25 р. въ мѣсяцъ.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣчному путешествію, мнѣ предстояло еще проѣхать 46 верстѣ на лошадяхъ по земскому тракту въ с. Ныробъ, въ 6 верстахъ отъ котораго въ дер. Ветланъ, по распоряженію властей, меня ожидала заготовленная лодка. Ненастная погода между тѣмъ измѣнилась къ лучшему, и обѣщала установиться, о чемъ краснорѣчиво говорилъ, выступившій изъ тумана и ясно обрисовавшійся на горизонтѣ, такъ называемый Полюдовъ камень—гора, отстоящая отъ Чердыни верстѣ на 25 и служащая для чердынцевъ лучшимъ барометромъ.

Въ 12-мъ часу ночи 6-го іюня выѣхалъ я изъ Чердыни, вмѣстѣ съ г. Азаровымъ, любезно сопровождавшимъ меня до лодки; въ 5 часу утра 7-го іюня я былъ уже въ с. Ныробѣ, посѣтивъ попутно священника с. Вильгортъ о. Василія Попова, любителя археологіи и не безызвѣстнаго въ этнографіи, какъ автора сборника пѣсенъ Чердынскаго уѣзда. Не смотря на ночную пору, о. Василій радушно принялъ насъ и успѣлъ сообщить мнѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ по археологіи прилежащей мѣстности.

Въ с. Ныробѣ мы остановились въ номерахъ небольшой безплатной гостиницы, устроенной при церкви св. Николая Чудотворца для богомольцевъ, обильно стекающихся сюда для поклоненія яв-

ленному образу, особенно во время Великаго поста, со всѣхъ концовъ Чердынскаго края.

Ныробъ — историческое село, гдѣ, послѣ тяжкихъ страданій въ подземельѣ, принялъ кончину, заточенный Годуновымъ, бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ. Тщательно сохраняемые и чтимые въ народѣ памятники объ этомъ событіи сами собой говорятъ о почившемъ здѣсь бояринѣ и о его нечеловѣческихъ страданіяхъ. Считаю долгомъ остановиться на краткомъ описаніи этихъ памятниковъ.

Въ теплой церкви св. Николая Чудотворца, помѣщается гробница боярина Михаила Никитича Романова, въ видѣ довольно массивной и хорошо отдѣланной раки; около гробницы на особой доскѣ имѣется надпись, такъ рассказывающая о „присланіи боярина Михаила Никитича въ Ныробъ въ 7109 году“:

„Присланъ былъ изъ Москвы царемъ Борисомъ Годуновымъ за стражею Романомъ Тушинымъ съ командою въ лѣтнее время, въ глухой кибиткѣ, окованъ желѣзами, въ Пермь великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ, въ заточеніе, блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженныя памяти Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, былъ дядя родной, а Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу братъ родной; въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи, въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ и преставися. Въ 7110 году на той темницѣ построена часовня деревянная и погребень былъ у церкви Николая Чудотворца, подлѣ алтаря на сѣверной сторонѣ, и гдѣ тѣло его лежало, построена была церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ и крестъ вышить и повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, тѣло его по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято, ничѣмъ не вредимо, только отъ руки отъ перста нѣкоторой членъ земля взяла, и свезено къ Москвѣ и положено въ монастырѣ у Спаса на Новомъ, и гдѣ прежде тѣло лежало, то гробница и все строеніе отъ пожару сгорѣло, и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, такождѣ часовня, въ ней гробница, построена, покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышить, а въ 7237 году деревянная церковь и часовня грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ паки сгорѣла, а нынѣ на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница покрыта сукномъ зеленымъ и крестъ вышить; также и на семъ мѣстѣ построена сія каменная часовня, единственно въ вос-

поминание здѣ преставльшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова. На семь невинномъ страдальцѣ были желѣза 1 пуд. 39 фун., ручныя желѣза 12 фун., кандалы или ножныя желѣза 19 фун., замокъ 10 фун., всего 3 пуда“.

Тутъ же, около гробницы, въ особомъ ящикѣ помѣщаются и желѣзные оковы страдальца, непомерной тяжести и крупныхъ размѣровъ, свидѣтельствующихъ о мощной натурѣ боярина; на внутреннихъ частяхъ ручныхъ желѣзъ и ножныхъ кандаловъ видны еще слѣды ихъ годичнаго ношенія; части эти какъ-то особенно блестятъ, словно вылощенные, но не искусственно, и тѣмъ отличаются онѣ отъ потемнѣвшихъ тяжеловѣсныхъ цѣпей, связывающихъ между собой эти страшныя орудія.

Есть слухи о томъ, будто бы подлинныя оковы страдальца кѣмъ-то похищены и замѣнены поддѣльными, которые теперь и показываются народу; личный мой тщательный осмотръ этихъ оковъ не оставилъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ дѣйствительной подлинности; мнѣ казалось, что такая искусная поддѣлка едва ли можетъ быть по плечу и новѣйшимъ усовершенствованнымъ способамъ изготовленія подобныхъ работъ, въ особенности за это говорить несомнѣнные слѣды ихъ ношенія. Съ мрачными мыслями вышелъ я изъ храма, но еще болѣе тяжелое чувство пришлось мнѣ испытать при посѣщеніи небольшой деревянной часовни, построенной надъ темницею боярина.

Въ лѣвомъ заднемъ углу этой часовни, въ полу видно отверстіе величиной въ одну плиту; съ зажженной восковой свѣчей спустившись въ это отверстіе по нѣсколькимъ неправильнымъ каменнымъ ступенямъ, я очутился въ мрачномъ, сыромъ и холодномъ подземельѣ, земляной полъ котораго, не болѣе 2 кв. сажень, плотно утопанъ, а стѣны, каменные въ основаніи, выведены кирпичнымъ сводомъ высотой не болѣе 2¹/₂ аршинъ; вверху свода, въ лѣвомъ углу виднѣется маленькое отверстіе для свѣта, а въ одной изъ стѣнъ ввинчено тяжеловѣсное желѣзное кольцо, къ которому прикованъ былъ несчастный узникъ. Отсутствие свѣта, сырой и спертый воздухъ дѣлали тяжкимъ и минутное пребываніе въ этомъ подземельѣ, послужившемъ нѣкогда мѣстомъ жизни страдальца, въ теченіи цѣлаго года, въ осеннюю и зимнюю пору.

Описанныя достопримѣчательности осматривалъ я въ сопровожденіи г. Азарова и мѣстнаго священника о. Филиппа Евфиміевича Пономарева, который также оказался большимъ любителемъ археологіи и между прочимъ обратилъ мое вниманіе на интересную пещеру близъ

дер. Ветлана; пещера называется по мѣстному Дивья и связана съ преданіемъ о дѣвѣ-богатырѣ, жившей здѣсь въ отдаленныя языческія времена, давшей также имя и близъ лежащей высокой прибрежной горѣ, носящей названіе Дивій (дѣвій) камень. Нѣсколько разъ посѣщаль о. Филиппъ эту пещеру, но послѣдніе два года не рѣшался ходить въ нее, напуганный случайностью, которая могла окончиться печально; отставъ отъ своихъ спутниковъ и желая догнать ихъ, онъ, вслѣдствіе неудачнаго поворота тѣла, застрѣлъ въ одномъ изъ узкихъ проходовъ пещеры на дальнемъ разстояніи отъ выхода. Освободившись изъ опаснаго положенія только послѣ невѣроятныхъ усилій, онъ долго не рѣшался повторять своего путешествія, но на этотъ разъ изъявилъ согласіе побывать въ пещерѣ вмѣстѣ со мною.

По прибытіи нашемъ въ дер. Ветланъ, гдѣ ожидала насъ лодка, немедленно организована была партія для путешествія въ знаменитую Дивью пещеру. Проводникомъ намъ служилъ мѣстный сельскій староста, неоднократно бывавшій въ пещерѣ, а спутниками моими были о. Филиппъ, ныробскій урядникъ Береженцевъ, ныробскій фельдшеръ и двое молодыхъ крестьянъ.

Переправившись въ лодкахъ на противоположный, правый берегъ р. Колвы, высокій, лѣсистый и ненаселенный, мы послѣ получасоваго путешествія по лѣсной тропѣ, направлявшейся первоначально вглубь, и потомъ исчезнувшей, снова вышли къ берегу той же рѣчки противъ грандіозно возвышавшейся на противоположномъ берегу горы—Ветланъ-камень. Здѣсь проводникъ нашъ не безъ труда разыскалъ въ полугорѣ лѣсистаго высокаго берега, поросшаго густою травой, едва замѣтный входъ въ эту Дивью пещеру или пешшору, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, отмѣченный единственнымъ въ этой мѣстности экземпляромъ липы. Раздавъ стеариновыя свѣчи, которыя нужно было зажечь уже передъ входомъ, и переждавъ пока вслѣдъ за проводникомъ нѣсколько изъ спутниковъ моихъ одинъ за другимъ, перекрестясь, исчезали въ загадочномъ отверстіи, направился въ него и я. Цѣпляясь одной рукою, освѣщая путь другой и упираясь колѣнами, поползъ я внизъ головой по узкому, глинистому вначалѣ, входному корридору, покато ведущему внизъ въ загадочное для меня подземелье. Двухсаженная длина корридора, для непривычнаго, покажется гораздо большею; и жутко становится и заманчивость влечетъ впередъ, и возвратиться трудно, потому что въ коридорѣ повернуться нельзя, какъ нельзя и двигаться вверхъ впередъ ногами. Но корридоръ мало

по малу расширяется, подъ ногами ощущается камень и является возможность идти, согнувшись; тѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ больше приобретаешь свободы въ движеніяхъ; верхніе своды постепенно возвышаются все болѣе и болѣе надъ головой; но путь неровенъ, подъ ногами неправильно наваленныя груды камней большихъ и малыхъ, нѣкогда, а быть можетъ и недавно, упавшихъ сверху; по бокамъ и наверху острыми углами торчатъ увѣсистыя камни, и многіе изъ нихъ слишкомъ сильно выдались впередъ, угрожающе держась на мѣстѣ, повидимому, лишь незначительной своею частью.

Потолокъ и стѣны покрыты сильной влагой, которая каплями струится внизъ по каменистымъ бѣлесоватымъ сосулькамъ, украшающимъ пещеру и составляющимъ какъ бы окаменѣвшее продолженіе этихъ влажныхъ струй; это мѣстные капли (сталактиты), какъ называлъ ихъ проводникъ. Частые повороты мѣшаютъ ориентироваться въ общемъ направленіи пещеры. Изъ широкаго и свободнаго, корридоръ вдругъ суживается снова и заставляетъ съ трудомъ подвигаться впередъ исключительно уже ползкомъ; зіяющія по стѣнамъ отверстія и второстепенные ходы могутъ заставить сбиться съ главнаго пути, который узнаешь лишь по голосамъ впереди идущихъ спутниковъ, знающихъ дорогу. Разбуженные этими голосами и обезпокоенные свѣтомъ летятъ на встрѣчу къ выходу обитатели пещеры—летучія мыши, нетопыри, съ перепугу и со-слѣпу цѣпляются онѣ за платъе и съ силою ударяются въ лицо...

Но вотъ корридоръ словно оборвался; протянутый впередъ огонь тускло освѣщаетъ какъ бы обширную пропасть, преградившую путь; передо мною былъ обрывъ, отвѣсно опускающійся внизъ сажени на двѣ, по которому надо было спускаться при помощи торчащихъ камней. Стѣны далеко расходятся въ сторону, потолокъ едва освѣщается поднятою вверхъ свѣчей, подъ ногами на большомъ протяженіи груды торчащихъ скалъ и наваленныхъ камней, возвышающіяся по краямъ и образующія какъ бы котловину посрединѣ; это первая палата, какъ называлъ ее нашъ проводникъ; на отдаленномъ противоположномъ концѣ ея, среди возвышающихся каменныхъ грудъ я увидѣлъ сквозь отдѣляющій мракъ тускло освѣщенные силуэты моихъ спутниковъ; фигуры ихъ обманчиво представляются въ какомъ-то увеличенномъ видѣ. Дальнѣйшее путешествіе по новымъ корридорамъ широкимъ и узкимъ, съ новымъ ползаньемъ и цѣпляньями, приводитъ ко второй, третьей и дальнѣйшимъ на-

латамъ. Я удовольствовался прибытіемъ въ третью палату и вернулъ спутниковъ обратно; эта третья палата, по величинѣ превосходящая первую и вторую, по общему опредѣленію всѣхъ спутниковъ, имѣла въ длину до 10 сажень, въ ширину до 4 или 5-ти, и въ высоту до 7 или 8 сажень. Записавъ свое имя на гладкомъ и сухомъ мѣстѣ скалы, набравъ нѣсколько образчиковъ каменныхъ породъ и обломковъ сталактитовъ или капъ, я вернулся обратно.

Выйдя изъ подъ земли ровно черезъ часъ послѣ ухода въ нее, я не безъ удовольствія ощутилъ себя наконецъ подъ открытымъ небеснымъ сводомъ, въ обществѣ всѣхъ моихъ спутниковъ, изъ которыхъ никто не подвергся возможнымъ случайностямъ, никто не заблудился, никому не свалился на голову камень, никто не застрѣлъ въ узкихъ корридорахъ и тѣмъ самымъ не преградилъ возврата ни себѣ, ни спутникамъ; висящія глыбы остались на своихъ мѣстахъ и возможнымъ паденіемъ своимъ не завалили выхода нашего на Божій свѣтъ. Мы углубились въ пещеру сажень на 200¹⁾, но этимъ далеко не исчерпывалось все ея протяженіе; нѣкоторые изъ спутниковъ моихъ прежде ходили гораздо дальше, но до конца не дошли; проводникъ же мой рассказывалъ, что его дѣдъ ходилъ въ этой пещерѣ трое сутокъ и видѣлъ тамъ подземныя озера...

Нельзя было не порадоваться дѣйствительно установившейся хорошей погодѣ, потому что мнѣ пришлось теперь садиться въ совершенно открытую маленькую лодку, едва способную вмѣстить, кромѣ двухъ гребцовъ (или ямщиковъ, какъ говорятъ во всемъ Печорскомъ краѣ) и кормчаго, меня одного съ моей далеко не тяжелой кладью; на другой такой же лодкѣ помѣщались мой проводникъ и урядникъ съ ихъ еще болѣе легкими пожитками. Не сразу состоялось, однако, отплытіе: то, по мнѣнію самихъ же ямщиковъ, гребни оказывались непрочными для сорока-верстнаго пути, гдѣ все время противъ воды придется плыть исключительно на гребяхъ, т. е. на веслахъ; то оказывалось неладнымъ и не по рукѣ кормщику весло, это—короткое въ видѣ лопатки небольшое, должствующее замѣнять собою руль, весельце, столь важное и необходимое при ежеминутныхъ перекидываніяхъ съ борту на бортъ для изумительно частыхъ поворотовъ лодки, вызываемыхъ всевозможными преградами и препятствіями, характеризующими извилистую и стремительно текущую Колву; то наконецъ оказывался недостаточно толстымъ и мягкимъ телгусъ, т. е. соломенная подстилка,

¹⁾ По приблизительному опредѣленію всѣхъ спутниковъ.

положенная на дно лодки и долженствующая замѣнить собою и мое сидѣнье и предохранительную подкладку для багажа.

Наконецъ все слажено и я съ своими спутниками, устроился въ лодкахъ, загрузивъ ихъ почти до самыхъ краевъ и избравъ заранѣе наиболѣе удобное положеніе, ибо переворачиваніе въ лодкѣ во время пути сопряжено съ опасностью опрокинуться или въ лучшемъ случаѣ зачерпнуть воды и подмочить себя и кладь.

Во второмъ часу свѣтлой какъ день сѣверной ночи, съ 7-го на 8-е іюня отплылъ я изъ Ветлана, начавъ такимъ образомъ лодочное путешествіе, которое за ничтожными перерывами должно было смѣниться новымъ только почти черезъ три мѣсяца.

На четвертые сутки достигъ я послѣдняго пункта по р. Колвѣ, сдѣлавъ за это время около 170 верстъ; дѣйствительно, не легокъ былъ путь, требующій крѣпкихъ нервовъ и большого запаса терпѣнія. Не широкая, но глубокая и быстрая рѣка до слиянія своего съ Вишеркой, только въ началѣ пути между высокими скалистыми берегами позволяла плыть около самаго берега, какъ это принято при ѣздѣ противъ теченія; при дальнѣйшемъ движеніи такое прибрежное плаваніе ежеминутно нарушалось преградами въ видѣ огромныхъ и мелкихъ деревьевъ бурелома, угрожающе торчавшихъ изъ воды, или, что еще хуже, скрытыхъ подъ поверхностью ея; напряженное вниманіе и большую зоркость проявлялъ здѣсь кормчій, все время длиннаго пути стоявшій на ногахъ и ежеминутно перекидывавшій съ борта на бортъ свое весло, чтобъ избѣжать опасное препятствіе, и чтобы при этомъ не завернуло по теченію и не нанесло на корчагу, моментально готовую опрокинуть нашу утлую лодочку и погрузить насъ всѣхъ въ стремительномъ потокѣ. Покинувъ Вишерку, Колва, предоставленная самой себѣ, значительно сбавляетъ свои воды и къ прежнимъ препятствіямъ присоединяются новыя: песчанья отмели все чаще и чаще заставляютъ уклоняться отъ берега и лавировать по всей почти рѣкѣ и безъ того уже извиистой до нельзя, и образующей безчисленное множество такъ называемыхъ мысовъ, огибать которые подчасъ обидно и досадно. Встрѣчаемъ мысъ, который, если прямо перерѣзать, составитъ менѣе версты, а огибать его 15 верстъ. Знающій, гдѣ самое узкое мѣсто досаднаго мыса, кормчій пристааетъ, кладь выносятся на высокій, поросшій луговою травой, берегъ, съ помощью запасенной крѣпкой веревки лодка втаскивается на гору при дружныхъ усиліяхъ экипажа, переволакивается на противоположный край, при помощи веревки вновь спускается на воду, гру-

зится и путешествіе продолжается прежнимъ порядкомъ; не малый трудъ и хлопоты такого переволока предпочитаютъ гребцами безполезному, тяжелому и опасному плаванью по излишнему пространству; къ сожалѣнію, далеко не всѣ мысы такъ узки и удобны, чтобы представить эту выгоду. Утомленные тяжелой греблей противъ воды, мои гребцы, на этотъ разъ дѣвушка и молодуха, видоизмѣняютъ трудъ и поочередно отдыхаютъ, при чемъ одна остается въ лодкѣ, а другая, надѣвъ лямку съ бичевою, выходитъ на берегъ и скорымъ шагомъ тащитъ лодку за собой, — разумѣется опять въ мѣстахъ для этого удобныхъ.

Послѣ деревни Кикусъ, Колва, протекая среди высокихъ горъ, суживается, становится опять глубокой, бурелому меньше и плаванье, повидимому, спокойнѣе, но тутъ скрывается немалая опасность: русло усыяно подводными камнями, наскочить на которые при большой глубинѣ еще опаснѣе, чѣмъ на древесную корчагу. Вѣрный глазъ и опытность нужны кормщику, чтобы не прозѣвать, гдѣ вода миритъ и быстро отвернуть лодку, но такъ, чтобы не наскочить и на сосѣдній камень. Чѣмъ ближе къ Уралу, тѣмъ мельче становится Колва и тѣмъ стремительнѣе ея потокъ. Деревяное русло рѣки усыяно крупными валунами, дающими, около береговъ крайне извилистымъ, неправильнымъ и до нельзя узкимъ фарватеръ для прохода нашей лодки; середина изрыта ямами и угрожающими омутами.

Съ деревни Тулпанъ прекращается всякая возможность плыть на гребяхъ; ямщики смѣняютъ ихъ шестами съ желѣзною оковкой на концахъ. Невѣроятныя усилія нужны гребцамъ, чтобы подвинуть лодку на ничтожное разстояніе впередъ. Безпрерывные возгласы: „подхватывай“, „держись“ и „не зѣвай“, на минуту лишь смѣняются фразой: „Слава Богу, проскочили“, когда минуется сердитый камень, а за нимъ зловѣщій омутъ съ медленно крутящейся водой. Пѣна, брызги, оглушительный ревъ и рокотъ все время окружаютъ лодку и притупляютъ наконецъ слухъ путешественника, который долженъ сидѣть почти не шевелясь на всемъ протяженіи этого опаснаго сплошнаго порога, тянущагося почти на 30 верстѣ.

Сильно должны напрягаться нервы при такомъ плаваніи, почти безъ остановки, день и ночь; но не столько утомлялся я этимъ постояннымъ сознаніемъ ежеминутной опасности, сколько при видѣ моихъ гребцовъ; страшное нечеловѣческое напряженіе физическое смѣшивалось съ ихъ постоянныхъ страхомъ при опасностяхъ, страхомъ, разумѣется, не столько за себя, сколько за жизнь и благо-

получіе вѣреннаго ихъ опытности путешественника; утѣшеніемъ мнѣ служилъ лишь юморъ этихъ же гребцовъ, не смотря на страшное утомленіе, не покидающій ихъ и въ ничтожные промежутки между опасными мѣстами всегда готовый проявиться въ какойнибудь шуткѣ или прибауткѣ.

Нѣкоторымъ разнообразіемъ на этомъ тяжеломъ пути служили мнѣ еще такъ называемыя прямыцы и лѣтники; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ было, разумѣется, очень немного: чтобы облегчить грузъ лодки, я въ сопровожденіи одного изъ гребцовъ пересѣкалъ какойнибудь длинный мысъ пѣшкомъ по проложенной уже тропѣ версты на три, лодка же съ остальными двумя гребцами плыла водой до условнаго мѣста на противоположной сторонѣ мыса; если дѣло было передъ перемѣной лодки, и пересѣченіе мыса приводило къ деревнѣ, тогда лодки оставляли и кладь переносили въ деревню на рукахъ; эти тропы для сокращенія мысовъ и называются прямыцами; ведутъ онѣ черезъ дѣвственный лѣсъ, или черезъ болото, или же проложены по живописной мѣстности, съ зелеными лугами и мелкимъ перелѣскомъ. Лѣтникъ—это та же прямыца, проложенная берегомъ для сокращенія большой опасной и тяжелой излучины рѣчки, тянущейся на десятки верстъ. Одинъ такой лѣтникъ въ 14 верстъ проѣхалъ я верхомъ, имѣя при себѣ лишь ружье, въ сопровожденіи урядника съ фотографическимъ моимъ аппаратомъ и мѣстнаго десяткаго съ небольшимъ саквояжемъ моимъ, удобно приспособленнымъ за его спиной въ такъ называемыхъ крошняхъ. Человѣкъ мой съ остальною кладью поднимался въ облегченной лодкѣ до того же пункта, сдѣлавъ 30 верстъ пути.

Я не могу долго останавливаться здѣсь на описаніи своеобразныхъ красотъ природы по берегамъ рѣчки Колвы; скажу лишь, что преобладающій характеръ этихъ береговъ гористый. Голыя угрюмыя лѣсистыя скалы поразительной высоты смѣняются изрѣдка прелестными низменными луговыми и оживленными лѣсными панорамами.

Но не могу умолчать здѣсь еще объ одной особенноти климатическаго свойства, могущей представить для непривычнаго къ Сѣверу путешественника серьезную опасность.

Погода, какъ я уже говорилъ, была благопріятная. Было, правда, нѣсколько ливней непродолжительныхъ, но сильныхъ съ ужасною грозой, но они случайно приходились какъ разъ во время краткихъ остановокъ моихъ въ деревняхъ. Большею частью свѣтило яркое солнце, поднимая температуру до 22° Р., но легкій сѣверный вѣтеръ, стоявшій во все это время, находилъ возможность

давать себя знать; страшная жара, заставлявшая спимать съ себя верхнюю одежду, пока плыли на солнцѣ, моментально смѣнялась прохватывающимъ холодомъ, какъ только лодка входила въ тѣнь и высокая гора заслоняла непосредственные лучи солнца. При частыхъ поворотахъ пути эти рѣзкіе переходы отъ испарины къ ознобу, разумѣется, не всякой натурѣ придется пошлечу. Не меньшую опасность представляютъ и горные страшно холодные ручьи, съ роковымъ бѣгущіе въ рѣку съ приуральской стороны; противъ этихъ ручьевъ холодный паръ стоитъ стѣною поперегъ всей рѣки, ярко обозначаясь въ раскаленномъ воздухѣ; холодная дрожь прохватываетъ влажное отъ испарины тѣло, пока плывешь черезъ эту струю.

На всемъ 170 верстномъ пути нѣтъ никакого движенія; въ продолженіе 5-ти суточного плаванія не было почти ни одной встрѣчи; людей я видѣлъ только въ деревняхъ, самое большое разстояніе между которыми не превышало 50 верстъ, да изрѣдка рыбаковъ вблизи деревень. О населеніи я скажу нѣсколько позже, а теперь перейду къ дальнѣйшему путешествію моему съ Колвы на Унью ¹⁾.

¹⁾ Послѣ сообщенія, по окончаніи засѣданія, мнѣ сдѣлано было замѣчаніе однимъ изъ плававшихъ по Колвѣ лицомъ. Считаю небезынтереснымъ привести здѣсь это замѣчаніе, такъ какъ оно даетъ мнѣ поводъ обратить вниманіе еще на одну характерную сторону плаванія по Колвѣ и по сѣвернымъ приуральскимъ рѣкамъ. Мнѣ было замѣчено, что описаніе моего плаванія по Колвѣ сильно прикрашено, что никакихъ затрудненій на этомъ пути нѣтъ, что плаваніе по Колвѣ, вопреки моему описанію,—не больше какъ самая спокойная и пріятная прогулка, тѣмъ болѣе, что какъ разъ передо мной путь этотъ былъ очищенъ; сдѣлавшій замѣчаніе самъ встрѣтилъ тамъ инженеровъ, производившихъ очистку фарватера... Признаюсь, меня крайне смутило въ первую минуту такое категоричное замѣчаніе со стороны человѣка дѣйствительно тамъ бывавшаго и имѣвшаго возможность изучить этотъ путь. Не просналъ ли я всѣ эти пять сутокъ и не во снѣ ли представились мнѣ описанныя затрудненія; о жи, въ которой меня, очевидно, обвиняли, не могло быть и мысли съ моей стороны, такъ какъ, облеченный довѣріемъ ученаго общества, дорожа этимъ довѣріемъ и считая себя отвѣтственнымъ за всякую ложь, представляемую въ замѣнѣ истины, къ которой стремится ученое общество, я не допускалъ и не допускаю возможнымъ не только лгать и прикрашивать въ своихъ отчетахъ, но считаю своей священной обязанностью фотографически точно воспроизводить всѣ наблюденія, по скольку они мнѣ доступны. Другое отношеніе къ дѣлу я не только не признаю возможнымъ для себя, но не рѣшился бы даже такъ категорически обвинить другого, маломальски прикосновеннаго къ наукѣ. Я, какъ и всякій наблюдатель, могу всегда ошибиться при субъективной оцѣнкѣ наблюдаемаго явленія; въ данномъ случаѣ, однако, нѣтъ мѣста субъективной ошибкѣ, тутъ предъявлено обвиненіе въ сильномъ прикрашваніи, равносильномъ лжи.

Уже въ деревнѣ Черепановской, за 4 в. до послѣдняго поселка на моемъ пути по Колвѣ, представляющаго собой лишь 2 двора, около моей избы собрался народъ чуть ли не со всѣмъ своимъ волостнымъ начальствомъ во главѣ, изъ коихъ многіе прискакали за десятки верстѣ. Споры, крики и шумъ напоминали древнее народное собраніе; это рѣшался вопросъ о томъ, какъ лучше переправить меня съ кладью по непроходимому лѣсу съ Колвы на Унью; кто предлагалъ и людей и кладь перевезти верхами, кто говорилъ, что лучше на санихъ, третьи увѣряли, что иначе невозможно, какъ людей верхами, а кладь на волокахъ; это мнѣніе, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ, восторжествовало и рѣшено было на слѣдующее утро доставить въ послѣдній пунктъ, дер. Нерпинскую, необходимое число лошадей и волока.

Переночевавъ въ Нерпинской деревнѣ, въ домѣ одного изъ поселившихся здѣсь братьевъ Паршуковыхъ, на утро я разбуженъ былъ

Но однако же дальнѣйшій обмѣнъ мыслей и два, три вопроса, сдѣланные мною возражателю, объяснили мнѣ все дѣло гораздо проще.

Послѣ моего категорическаго заявленія, что на Колвѣ я не встрѣтилъ не только инженеровъ, но ни малѣйшаго слѣда и признака производимыхъ ими работъ и даже не могъ себя представить, для чего могли понадобиться на этомъ пути инженерныя работы, выяснилось наконецъ, что инженеры дѣйствительно очищали путь, но совсѣмъ не тотъ, по которому я плылъ; они работали для „Сусловскаго дѣла“ на р. Вишеркѣ, оставшейся для меня въ сторонѣ и входящей въ составъ Фадинскаго пути, которому я предпочелъ, какъ это изложено выше, Тулпанскій путь; такимъ образомъ со стороны бывалаго возражателя произошло, не совсѣмъ понятное для меня, смѣшеніе этихъ двухъ путей; мой путь оказался неочищеннымъ. Тѣмъ не менѣе возражателю приходилось плавать и по Колвѣ, при чемъ это плаваніе было на столько спокойно, что путешественники, связавъ лодки и предоставивъ себя теченію, ложились спать.

Но такое плаваніе возможно внизъ по теченію рѣки; возражатель спускался по Колвѣ, а мнѣ приходилось подниматься; между тѣмъ и другимъ существенная разница; спускаются обыкновенно по срединѣ рѣки, гдѣ глубже и чище и потому спокойнѣе; подниматься же, какъ извѣстно, можно только берегомъ, гдѣ встрѣчное теченіе не такъ сильно, какъ среди рѣки; такое прибрежное плаваніе и представляетъ описанныя мною трудности, благодаря страшной засоренности береговъ буреломомъ и благодаря прибрежнымъ мелямъ и камнямъ, Однако возражателю приходилось и подниматься по Колвѣ и все таки онъ не встрѣтилъ описанныхъ мною трудностей. Въ отвѣтъ на это мнѣ оставалось лишь спросить, въ какое время совершалъ свои плаванія возражатель; оказалось, что онъ поднимался по Колвѣ въ маѣ мѣсяцѣ; и этотъ отвѣтъ окончательно объяснилъ мнѣ все. Я, какъ сказано выше, поднимался по Колвѣ съ 8 по 12 іюня. Въ этомъ огромная разница, на которую и считаю долгомъ обратить особенное вниманіе.

шумными приготовлениями къ предстоящему походу. Цѣлый сонмъ старость, сотскихъ и десятскихъ собрался здѣсь, чтобы сопроводить меня, но многихъ я распустилъ, оставивъ только необходимое количество людей, которые и составили вмѣстѣ со мною экспедицію въ 7 человекъ. Снарядившись, экспедиція вытянулась въ одну линію; впереди находился верховой десятскій, онъ же и проводникъ, знающій, нельзя сказать, дорогу, ибо ея не было въ дѣйствительности, хотя и считалась, но—знающій примѣты пути; за нимъ шелъ пѣшій ямщикъ, вооруженный топоромъ для разчистки пути отъ бурелома и другихъ преградъ; далѣе слѣдовалъ я верхомъ, въ сопровожденіи верхового же урядника съ моимъ фотографическимъ аппаратомъ; затѣмъ слѣдовала лошадь, запряженная въ высокіе волока; это своеобразный экипажъ, специально предназначенный для путешествій по сѣвернымъ лѣснымъ дебрямъ и боло-

Всѣ тѣ, кому встрѣчается надобность попадать на Печору или къ Уралу посредствомъ тѣхъ путей, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, спѣшатъ во что бы то ни стало прибыть сюда въ концѣ мая и уже ни какъ не позже самыхъ первыхъ чиселъ іюня. Всѣмъ хорошо извѣстно, что это время самое удобное для пользованія названными путями.

Вслѣдъ за ледоходомъ, который совпадаетъ, въ этихъ мѣстахъ, обыкновенно съ началомъ или серединою мая, наступаетъ весеннее половодье, дѣлающее судоходными даже самыя ничтожныя рѣчки; широко разливаются рѣки болѣе крупныя, въ томъ числѣ и Колва, сильно выступаютъ онѣ изъ береговъ, затопляя на значительное разстояніе прибрежныя мѣста: удобный и прямой путь представляетъ тогда Колва, теряя свой извилистый до нельзя характеръ и покрывая собою безчисленные мысы, столь затрудняющіе и удлинняющіе путь въ другое время. Недолго держится это половодье; необходимо спѣшить, чтобъ воспользоваться имъ; въ началѣ іюня начинается уже паденіе воды, которая, вступая въ берега, стремительно уноситъ за собою встрѣченные на пути пни и деревья, поваленныя бурею и сложенные льдомъ. Въ нѣсколько дней быстротекущая, крайне извилистая, порою мелкая и порожистая Колва обнаруживаетъ свои настоящіе берега съ наваленнымъ около нихъ хламомъ и чѣмъ позже, тѣмъ мельче становится она, все болѣе и болѣе затрудняя плаваніе по ней запоздалыхъ путешественниковъ. Съ такою Колвой въ ея настоящемъ, истинномъ видѣ пришлось познакомиться и мнѣ, упустившему половодье. Вотъ чѣмъ объясняются описанныя мною іюньскія затрудненія въ сравненіи съ майскимъ спокойнымъ по ней плаваніемъ моего возражателя; обвиненіе въ усиленномъ прикрашиваніи такимъ образомъ падаетъ само собою, указывая лишь на то, что обвинитель мой, къ сожалѣнію, знакомъ только съ одной стороною дѣла, такъ сказать съ лицевой стороною медали; я же могу лишь радоваться тому, что имѣлъ случай и возможность познакомиться съ неприглядной оборотной стороною этой медали, знать которую далеко не бесполезно и лично ознакомиться съ которой тѣмъ труднѣе всякій старается избѣжать этого знакомства.

тамъ; состоитъ онъ изъ пары крѣпкихъ длинныхъ брусевъ, верхніе концы которыхъ впрягаются въ хомутъ лошади, а нижніе, влочась по землѣ, имѣютъ изгибъ, на подобіе санныхъ полозьевъ; въ эти полозья вставляются двѣ пары крѣпкихъ, высокихъ копыльцевъ, которые скрѣпляются между собой и образуютъ довольно высокую площадку аршина въ $1\frac{1}{2}$ длиною; сюда-то крѣпко на крѣпко привязывается кладь, тщательно обернутая рогожей. Лошадь управляется пѣшимъ ямщикомъ, который долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать и волока, чтобы при невѣроятныхъ скачкахъ и прыжкахъ они сохраняли свое нормальное положеніе; за кладью слѣдовалъ верхомъ мой человекъ, обязанный смотрѣть за тѣмъ, чтобы вещи не вываливались по пути и наконецъ конный сотскій замыкалъ шествіе. Большія хлопоты и шумныя приготовленія, разумѣется, не могли предвѣщать въ будущемъ легкой и пріятной прогулки.

Въ 9 ч. утра 12 іюня при пасмурной погодѣ выступилъ нашъ отрядъ изъ Нерпинской деревни въ СВ. направленіи и, поднявшись на высокую гору, вступилъ на тропу волока, не посягаго, сколько мнѣ извѣстно, никакого имени, но который я охотно назвалъ бы чернымъ волокомъ, потому что въ немъ есть, какъ мнѣ кажется, много данныхъ чтобы оправдать это тяжелое прозваніе.

Волокъ этотъ тянется, по мѣстному счету, на 30 верстъ, и встрѣчая на полпути рѣчку Бердышъ, принадлежащую къ Печорскому бассейну, пересѣкаетъ ее нѣсколько разъ и приводитъ къ д. Усть-Бердышъ, лежащей на р. Унѣ, впадающей въ Печору. Полпути пролегаетъ по такъ называемой гари, остальная часть идетъ пармой. Общимъ опредѣленіемъ для гари, по мѣстнымъ понятіямъ, служитъ высокое мѣсто, покрытое разнообразнымъ лѣсомъ; парма, это возвышенное мѣсто, покрытое лѣсомъ строевымъ, крупнымъ, преимуществу хвойнымъ, но отличительной чертой пармы служитъ въ то же время сырая и болотистая почва. Дальнѣйшее краткое описаніе совершеннаго мною перехода ознакомить нѣсколько подробнѣе съ этими своеобразными и точно установившимися среди тамошнихъ жителей, характерными опредѣленіями мѣстностей.

Бодро вѣхавъ на гору и миновавъ немногочисленные поля, мы скоро вступили въ лѣсъ, который, становясь все гуще и гуще, какъ бы заволакивалъ собою тропинку; она, исчезнувъ, спорадически появлялась опять, и наконецъ пропала совершенно; проводникъ велъ насъ уже по примѣтамъ.

Съ каждымъ шагомъ лѣсъ становился непроходимѣе; подѣ но-

гами неровная почва, изрытая ямами и торчащая неправильными буграми от вывороченных съ корнями деревьевъ; кони спотыкаются; то и дѣло приходится имъ громоздиться и перешагивать черезъ поваленныя бурею, словно нарочно поперегъ дороги, огромныя деревья, не способныя поддаться и десятку топоровъ; густыя вѣтви царапаютъ лицо и, цѣпляясь за одежду, словно стараются стащить съ сѣдла и не пустить дальше путниковъ, отважившихся вступить въ эти лѣсныя дебри. Волока вслѣдъ за лошадыю тяжело вздымаются на поперечное препятствіе и, соскользнувъ съ него, съ трескомъ ударяются объ землю, чтобы вновь подняться; пѣшіе ямщики, падая и спотыкаясь на каждомъ шагѣ, не отпускаются отъ клады и, поддерживая ее по мѣрѣ возможности, поразительнымъ самоотверженіемъ охраняютъ цѣлостъ вѣреннаго имъ имущества; лишь изрѣдка появится полянка, но черезъ нѣсколько шаговъ опять лѣсныя дебри.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше препятствій и мучительнѣе путь. Отвоевывая у негостепріимнаго лѣса буквально каждый шагъ, наконецъ мы миновали гарь, миновали полпути. Разсѣдлавъ лошадей и пустивъ ихъ попасть, устроили приваль и для себя, расположившись кое-какъ на влажной почвѣ близъ узенькой извилистой и небольшой въ своемъ началѣ рѣчки Бердышъ. Послѣ часового отдыха снарядились снова и пустились въ дальнѣйшій путь, гдѣ мнѣ предстояло познакомиться и съ тѣмъ, что называется пармой.

Мѣстность замѣтно стала повижаться, очевидно водораздѣлъ остался уже сзади; вмѣстѣ съ тѣмъ почва становится все мягче и мягче, превращаясь наконецъ въ болото, изъ котораго лошади съ трудомъ вытягиваютъ ноги; лѣсъ, прервавшійся было, снова начинается густѣть, но лѣсъ уже не тотъ, что былъ: угрюмый, темный мрачный, старый—исключительно хвойный. Болото превращается далѣе въ жидкую грязь, поверхъ которой раскинулась сѣть изъ густо переплетенныхъ между собой, обнаженныхъ и стелющихся древесныхъ корней. Затруднительность пути увеличивается. Лошадь должна осторожно просовывать ногу въ отверстіе этой корневой сѣтки, затѣмъ вязнуть въ жидкомъ болотѣ и, продѣлавъ то же самое съ другими ногами, послѣдовательно вынимать ихъ, для того чтобы снова завязнуть. Къ этому мученію присоединяются крутые и въ то же время грязные и скользкіе спуски къ бродамъ черезъ быструю рѣчку Бердышъ, которая четыре раза пересѣкаетъ путь. Тутъ ужъ, разумѣется, некогда отстранять отъ себя надоѣдливыя вѣтки; от-

давшись ихъ бичеванію, стараешься только на моментъ зажмури-
вать глаза, чтобы ихъ не выхлестнуло. Тамъ, гдѣ лѣсъ не надолго
прерывается, болото еще хуже; зеленое и обманчивое, оно не разъ
заставитъ провалиться въ какія-то ямы; мѣстами лошадь на всѣ че-
тыре ноги проваливается до сѣдла, тогда остается прыгать съ нея
на какую нибудь кочку и помогать ей выпутываться; пособивъ коню,
взянешь самъ и ухватившись за поводъ предоставляешь ему та-
щить себя.

Желаніе уклониться въ сторону для обхода болота едва не стоило
жизни моему человѣку; лошадь, невѣроятнымъ образомъ запутавшись
въ корняхъ и въ трясинѣ, потеряла равновѣсіе и всею тяжестью
обрушилась на тучнаго Меркулева, который не въ состояніи былъ
даже освободиться отъ стремянъ. Всѣ въ это время барахтались въ
болотѣ и съ великимъ трудомъ могли добраться до мѣста, гдѣ конь
и всадникъ, невообразимо перепутавшись и наполовину увязнувъ въ
болотѣ, неподвижно лежали, не обнаруживая даже признаковъ
жизни. Большихъ усилий стоило освободить человѣка изъ подъ лошади,
которая тогда только начала биться и метаться ужаснымъ обра-
зомъ. Хорошая лошадь; начни она это раньше, тогда дни Меркулева
были бы сочтены; теперь же онъ, скоро придя въ себя, отдѣлался
только тѣмъ, что былъ сильно помятъ. Много горя приняли мы съ
волоками; разъ шесть пришлось вырубать въ лѣсу новыя копылья
и замѣнять ими поломавшіеся. Не доѣзжая верстъ двухъ до конца
пармы, волока наконецъ не выдержали и развалились. Пришлось
кладъ нести на рукахъ, для чего надо было сдѣлать нѣсколько
концовъ по этому ужасному пути. Переправившись въ послѣдній
разъ черезъ Бердышъ, и кое-какъ славивъ опять волока, мы уже
скоро добрались черезъ прибрежныя Уньинскіе луга до д. Усть-
Бердыша.

Насколько труденъ былъ путь, видно уже изъ того, что на 30-ти
верстный переходъ верхомъ, не считая часового отдыха, при безо-
становочномъ движеніи впередъ, потребовалось ровно 12 часовъ.

Я не упоминаю уже здѣсь о тѣхъ страданіяхъ, которыя причи-
няли намъ, получившіе громкую извѣстность, приуральскіе и при-
печорскіе комары, полновластно истязующіе свои жертвы въ своемъ
царствѣ, особенно въ болотистой пармѣ; эти страданія забывались
и, при обиліи другихъ болѣе серьезныхъ, въ счетъ не шли.

Переночевавъ въ д. Усть-Бердышѣ, этомъ послѣднемъ населен-
номъ пунктѣ въ верховьяхъ Печорскаго бассейна, я на слѣдующее
утро сѣлъ снова въ небольшую лодку и началъ второй періодъ сво-

его путешествія, который характеризуется уже до нѣкоторой степени терминомъ мѣстныхъ жителей примѣнительно къ ѣздѣ внизъ по теченію рѣки. Мнѣ предстояло теперь плавиться по Уньѣ и по Печорѣ. Это плавиться не сулило уже прежнихъ преградъ и препятствій, но и оно должно было наводить путешественника на нѣкоторыя размышленія.

Я не имѣлъ никакихъ данныхъ для того, чтобы судить, сколько времени придется мнѣ плавиться въ лодкѣ до противоположнаго выхода изъ Печорскаго края, отдѣленнаго отъ меня разстояніемъ превышающимъ 1¹/₂ тысячи верстъ, гдѣ я, кромѣ лодки, не найду другихъ способовъ передвиженія, кромѣ рѣки никакихъ другихъ путей сообщенія. Здѣсь я долженъ былъ поставить себя въ полную зависимость отъ степени гостепріимства, съ которой встрѣтятъ меня сѣверныя стихіи и обширная Печора. Разгуляются стихіи, подуетъ столь обычный и частый здѣсь сѣверъ, этотъ вой-тѣлъ, какъ называютъ его печорскіе зыряне, взволнуется тогда широкая Печора и надолго пригвоздитъ къ берегу, быть можетъ, пустынному, неспособную къ борьбѣ лодку, или захватитъ эта буря близъ береговъ, къ которымъ не только пристать, но и подойти на близкое разстояніе опасно; это тѣ мѣста, гдѣ волны, съ силой ударяясь въ крутой тундристый берегъ, быстро подмываютъ его и заставляютъ огромнѣйшія глыбы этой тундры или тунды, какъ тамъ зовутъ ее, съ глухимъ рокотомъ валиться въ воду и погруженіемъ въ глубинѣ образовать надъ собою опаснѣйшій водоворотъ. Исходъ бури на такихъ мѣстахъ, разумѣется, зависитъ ужъ всецѣло отъ Божьей милости. Все это пришлось мнѣ слышать тамъ отъ мѣстныхъ жителей, бывавшихъ на Печорѣ; пришлось мнѣ испытать и самому впоследствии, хотя и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ Печора въ общемъ встрѣтила меня гостепріимно. Сѣверный вѣтеръ только заставлялъ меня частенько искать защиты, въ шубѣ и близъ полярнаго круга, гдѣ я былъ въ первой половинѣ іюля, не позволялъ мнѣ выходить изъ шубы ни днемъ, ни ночью. Сѣверная буря только разъ приковала меня къ пустому берегу на нѣсколько часовъ, да 1 лишній день заставила прожить, по счастью, въ деревнѣ; и только разъ во время сильнаго, попутнаго, вѣтра неся я на парусахъ мимо опасныхъ береговъ и наблюдалъ воочию тѣ грозные обвалы тундры, о которыхъ говорилъ.

Утромъ 13-го іюня я выѣхалъ изъ Бердыша и въ тотъ же день достигъ рѣки Печоры, въ селеніи Усть-Уньѣ. Переночевавъ здѣсь и раздобывъ небольшой запасъ археологическихъ находокъ, я началъ

плавиться и по Печорѣ, вооружившись запасомъ терпѣнія и съ твердымъ намѣреніемъ рано или поздно измѣрить собою эту длинную рѣку.

Такъ плавился я, мѣняя лодки въ крупныхъ деревняхъ, съ обязательнымъ заѣздомъ въ каждую ничтожную деревню, чуть не въ каждую одиноко стоящую на пустынномъ берегу, промысловую избушку. Не буду перечислять здѣсь многочисленныхъ деревень, мною осмотрѣнныхъ, укажу лишь пункты главнѣйшіе. На Печорѣ Пермской посѣтилъ я извѣстную Якшинскую Пристань, черезъ которую уже 200 лѣтъ ведется главный торгъ чердынскихъ купцовъ съ Печорскимъ краемъ. Къ сожалѣнію, время мнѣ не позволяетъ подольше остановиться на этомъ пунктѣ, крайне важномъ по той роли, какую призванъ онъ играть при устройствѣ предположенной здѣсь желѣзной дороги, имѣющей соединить бассейнъ Печоры съ Камскимъ, причемъ я располагаю данными, любезно сообщенными мнѣ пермскимъ губернаторомъ, съ полной заботливостью относящимся къ этому вопросу, и свѣдѣніями собранными мной на мѣстѣ. На Печорѣ Вологодской побывалъ я въ ея столицѣ—селѣ Троицкомъ или Печорскомъ; посѣтилъ крупныя села Савиноборское и Усть-Щугорское, кажется, призванное играть также не маловажную роль въ Печорскомъ краѣ, благодаря недавно устроенной здѣсь торговой пристани Сибирякова и проложенному имъ пути въ Сибирь; сибирскій хлѣбъ уже явился на Печорѣ и конкуренція Сибирякова съ чердынцами дала уже плоды, понизивъ цѣну хлѣба вдвое. Посѣтилъ и осмотрѣлъ я извѣстную брусноточильную Войскую гору, которая, вмѣстѣ съ такой же горою Соплясъ, пожалована еще грамотой царя Алексѣя Михайловича тремъ Печорско-Вологодскимъ волостямъ, которыя, можно сказать, живутъ и обезпечены теперь значительной арендой, выручаемой съ горъ и на нихъ же имѣя поденный и срочный заработокъ.

Добравшись до Печоры Архангельской, побывалъ я въ деревнѣ Аранецъ, изъ которой открывается прелестный видъ на предгорія Урала; ярко обозначаются на горизонтѣ массивные рельефы горы Сабли, Толь-пѣза, Пояснаго камня, видѣны также вдаль и Тимазъ, т. е. хребетъ Тиманскій. Добрался я и до Усть-Кожвы, полной преданій о прежнихъ жителяхъ и хранительницѣ любопытныхъ и древнихъ обрядовъ, въ родѣ „Похоронъ клоповъ“.

Встрѣтивъ на пути значительный, богатый рыбою, притокъ Печоры, Усу, поднялся я по ней, чтобы посѣтить самоѣдскую деревню Колву, этотъ любопытный центръ осѣдлаго быта самоѣдовъ,

представляющихъ изъ себя особую общину, подчиненную особому инородческому управленію, съ самоѣдскимъ старшиной во главѣ и съ такъ называемымъ сугланомъ или съѣздомъ, творящимъ здѣсь свой судъ и расправу. Благоустроенная деревня эта съ воздѣланными самоѣдскими полями, съ богатѣйшей церковью представляетъ собою явленіе полное интереса по исторіи своего возникновенія. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія она возникла, на религіозной почвѣ, какъ продуктъ брошенной въ лѣзическую тундру горсти сѣмянъ православной вѣры, сначала несмѣлою рукой священника Θεодора Истомина (дѣда моего), потомъ и миссіей архимандрита Веніамина, какъ это видно изъ мѣстной церковной лѣтописи, имѣющейся у меня и содержащей любопытные матеріалы для ознакомленія съ этимъ малоизвѣстнымъ, но немаловажнымъ фактомъ въ исторіи распространенія русскаго просвѣщенія и культуры на отдаленныхъ окраинахъ нашего отечества. Большой интересъ представляетъ эта деревня въ этнографическомъ отношеніи и чисто антропологическомъ, а затѣмъ, какъ мнѣ кажется, и въ экономическомъ, являя собою исходъ быстро бѣднѣющему и вымирающему въ тундрѣ кочевому самоѣдскому племени.

Вернувшись въ Печору, приблизившись по ней къ полярному кругу и ознакомившись съ невздами его благодаря этой близости, я началъ плавиться снова къ югу. Достигнувъ красиво раскинувшейся на холмахъ деревни Щелья-Юрь, я сухопутнымъ волокомъ въ 7 верстѣ, пѣшеходною болотною тропой перебрался въ селеніе Красный Боръ, расположенный на южномъ притоцѣ Печоры—Ижмѣ; по этой рѣкѣ доплылъ я до столицы Архангельской Печоры, богатаго и многолюднаго селенія Ижемскаго съ Мохчей; отсюда предпринялъ интересную поѣздку верстѣ на 200 вверхъ по Ижмѣ, чрезъ опасные Ижемскіе пороги, до впаденія въ нее рѣки Ухты и, вернувшись обратно, доплылъ, по Ижмѣ и Печорѣ до селенія Усть-Цыльмы, достигнувъ этого пункта лишь 3-го августа.

Началъ я свое плаваніе по Печорѣ въ лодкахъ маленькихъ и открытыхъ, безъ всякой защиты отъ стихій; наравнѣ съ ямщиками переносилъ я дневной солннопекъ и ночной густой туманъ съ пронизывающей сыростью и холодомъ; съ 22° и 23° дневной жары термометръ надалѣ ночью до 2°, 3° Р. тепла. Чѣмъ шире становилась Печора, тѣмъ больше являлись и лодки. Въ Печорскомъ селеніи довольно крупная лодка съ 3 гребцами снабжена была уже легкимъ подобіемъ будки, представляющей закрытіе сверху и съ бокъ, но дающей полный просторъ для сквозного прохода подчасъ

очень холоднаго встрѣчнаго вѣтра; въ Архангельской Печорѣ явилось уже добавленіе въ видѣ закрытія парусомъ съ передней и задней стороны. Наконецъ, въ Ижмѣ и въ Усть-Цильмѣ эти будки представляли уже видъ каюты съ 4 стѣнками и дверцей; въ ней однако можно было только сидѣть или лежать.

Въ мелкихъ деревняхъ останавливался я только для осмотра, въ крупныхъ жилъ не болѣе сутокъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, самыхъ крупныхъ, волостныхъ, гдѣ жилъ 4 сутокъ и даже недѣлю, посвящая это время собранію подробныхъ данныхъ о подвѣдомственныхъ волостяхъ.

Плавился я обыкновенно и днемъ и ночью, покуда свѣтлыя, сѣверныя ночи это позволяли. Пользуясь полною свободой остановокъ, пригонялъ привалы къ обычному времени принятія пищи гребцами, при чемъ, кромѣ чая и какао, я питался, за все время почти двухъ-мѣсячнаго плаванія по Печорѣ, исключительно рыбой; сига въ варилъ, сига жарилъ съ яичною приправой, затѣмъ ѣлъ крестьянскій черный хлѣбъ, молоко и масло, которыми запасался въ деревняхъ. Оставляя одного кормщика, гребцы утомленные работой иногда спали по ночамъ, предоставляя быстрой Печорѣ подвигать лодку впередъ; но почти не спалъ обыкновенно я въ пути; дорожа временемъ и не желая упустить изъ виду ничего сколько нибудь любопытнаго на пути, ни одного урочища, ни одного ручейка, еще не нанесеннаго на карту, я позволялъ себѣ лишь изрѣдка дремать, часъ или два въ мѣстахъ завѣдомо неинтересныхъ.

Многообразны и измѣнчивы берега Печоры, угрюмые и мрачныя съ рѣдкимъ, непривлекательнымъ лѣсомъ, сосновымъ, изрѣдка хвойнымъ и лиственнымъ, они смѣняются часто поистинѣ живописными ландшафтами береговыхъ луговъ и лужаекъ, окаймленныхъ зелеными рощами. Было бы неправильно сказать, что съ уклоненіемъ къ сѣверу увеличивается угрюмость и неприглядность природы; скорѣе это замѣчается по мѣрѣ уклоненія къ востоку и приближенія къ Уралу. Крупныхъ печорскихъ лѣсовъ, за исключеніемъ одного мѣста выше д. Щугора—Иджидъ-парма и нѣсколькихъ другихъ пунктовъ, я не видалъ. Эти лѣса расположены въ самыхъ верховьяхъ и по притокамъ Печоры.

Плывя подолгу съ одними и тѣми же крестьянами, живя съ ними одною жизнью, питаюсь почти одною пищею и перенося общія невзгоды, я невольно сживался съ этими добрыми людьми, сживались и они со мной, переставая вскорѣ постоянно сознавать во мнѣ какого-то заѣзжаго начальника, и это было временемъ простыхъ

бесѣдъ, когда безхитростно и не таясь, сообщали они мнѣ много свѣдѣній о бытѣ своемъ, о своихъ наболѣвшихъ вопросахъ и нуждахъ. Во время остановокъ повсюду мнѣ былъ приемъ радушный, но сдержанный, офиціальный и подчасъ слишкомъ торжественный; проводы же всегда были дружескими и задушевными. Благодаря любезной распорядительности гг. губернаторовъ пермскаго—В. В. Лукошкова, вологодскаго—М. Н. Кормилицына и архангельскаго—кн. Н. Д. Голицына, я вездѣ встрѣтилъ подготовленность къ моему путешествію, какъ со стороны волостныхъ властей, доставлявшихъ мнѣ нужныя свѣдѣнія, такъ и со стороны властей полицейскихъ, т. е. урядниковъ, которые почти все время сопровождали меня во время пути и своимъ присутствіемъ не только не мѣшали мнѣ, но, прекрасно зная край и пользуясь авторитетомъ среди населенія, оказывали мнѣ истинныя услуги. Не могу не упомянуть при этомъ съ благодарностью объ исправникахъ чердынскомъ Н. В. Азаровѣ и мезенскомъ К. В. Поповѣ. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ въ Печорскомъ краѣ, Мезенскаго у. А. И. Теляковскому и приставу Печорскаго края Архангельской губерніи Н. В. Чудинову я безконечно обязанъ за ихъ личное любезное содѣйствіе.

О населеніи Печорскаго края я позволю себѣ сообщить лишь общія свѣдѣнія. Все населеніе въ краѣ расположено исключительно по берегамъ Печоры и главнѣйшимъ ея притокамъ. Верхняя Колва и Печора Пермской губ. населена кореннымъ, радужнымъ и добрымъ русскимъ народомъ съ его прекраснымъ старонгородскимъ языкомъ и оригинальнымъ симпатичнымъ говоромъ, въ которомъ слышится старая Русь; часто повторяющіяся присловья „моль“ и „де“ придають ему какой-то особый отпечатокъ важности и торжественности. Проѣхавъ сѣверную часть Чердынскаго у. Пермской губ., я вынесъ убѣжденіе, что онъ заслуживалъ бы спеціального изученія въ этнографическомъ отношеніи. Въ Пожегѣ, послѣдней деревнѣ Пермской губ. уже видна значительная перемѣна въ этнографическомъ составѣ; тутъ уже болѣе чѣмъ на половину русскій элементъ смѣнился зырянскимъ. Вся же Вологодская Печора представляетъ сплошное зырянское населеніе. Въ трехъ ея волостяхъ—Троицкой, Савиноборской и Щугорской; по собраннымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ, въ 41 населенномъ пунктѣ, при 750 дворахъ живетъ до 3485 наличныхъ душъ обоюго пола. Все это народъ тихій, угрюмый и даже мрачный, вѣроятно, подъ вліяніемъ раскола, среди котораго живетъ и населеніе Пермской Печоры, но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ добрый и симпатич-

ный. Архангельская Печора до низовьевъ своихъ и р. Ижма также населены зырянами, составляющими 4 волости: Усть-Кожвинскую, Красноборскую, Мохченскую и Кедвадомскую, въ которыхъ на 48 населенныхъ пунктовъ приходится 2018 дворовъ съ 18.883 наличными душами обоого пола; при этомъ замѣчается рѣзкая разница между зырянами, населяющими первыя 4 деревни и дальнѣйшія; по наружному виду, по характеру, по быту и обстановкѣ жители этихъ деревень (Аранецъ, Демидъ-Вася, Илья и Красный Ягъ) принадлежатъ еще къ Вологодскому типу, остальные составляютъ другой типъ, чрезвычайно подвижный и живой, въ отличіе отъ вялости и какъ бы апатичности зырянина Вологодскаго. Разница эта замѣчается и въ языкѣ. Этотъ второй типъ ижемскій, на что указываетъ и исторія заселенія этой части Печоры, получившей главный контингентъ не съ верхняго теченія изъ Вологодской губ., а съ нижняго, и именно изъ Ижмы и вообще изъ Мохченской волости; названныя же 4 деревни отошли отъ Вологодской и включены только съ 1861 г. въ составъ Архангельской губ. Въ дер. Усть-Лыжѣ Усть-Кожвинской вол. прекращается среди крестьянъ старовѣрство и круто смѣняется ревностнымъ православіемъ, котораго строго держатся жители остальной части этой волости и 3 послѣдующихъ.

Низовье Печоры населено сплошнымъ русскимъ народомъ, съ давнихъ поръ здѣсь обитающимъ и составляющимъ двѣ волости: Усть-Цылемскую и Пустозерскую; при чемъ въ первой изъ нихъ насчитываютъ 55 населенныхъ пунктовъ съ 989 дворами и съ населеніемъ въ 5812 наличныхъ душъ обоого пола, изъ коихъ большинство опять таки старовѣры; свѣдѣній же о волости Пустозерской я не имѣю, такъ какъ, вслѣдствіе поздняго времени, въ началѣ августа, и неблагоприятной погоды я не могъ рѣшиться предпринять дальнѣйшее плаваніе по Печорѣ къ океану, уступая въ этомъ случаѣ совѣтамъ мѣстныхъ жителей, указывавшихъ мнѣ на возможность зимовать въ Печорскомъ краѣ, на что я, разумѣется, не имѣлъ ни средствъ, ни права. Не могу не пожалѣть объ этомъ здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ не высказать пожеланія, чтобы волости Пустозерская, въ которую я не могъ проникнуть и Усть-Цылемская, съ которой я также не вполне ознакомился, такъ какъ въ это время населеніе было на промыслахъ, чтобы эти стародавнія коренныя русскія волости дождались изслѣдователя, которому онѣ, какъ хранительницы живой народной русской старины, обѣщаютъ не мало любопытныхъ и драгоцѣнныхъ данныхъ ¹⁾.

¹⁾ По представленію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ И. Р. Г. О. въ засѣданіи

Сверхъ русскихъ и зырянъ слѣдуетъ упомянуть еще о самоѣдахъ, кочующихъ въ тундрахъ и осѣдло живущихъ въ деревнѣ Колвѣ на нижнемъ теченіи рѣки Усы. Эти три народности, какъ мы видѣли, живутъ не смѣшиваясь, но образуютъ обособленныя этнографическія группы, приуроченныя къ отдѣльнымъ частямъ Печорскаго бассейна. Основываясь на такой группировкѣ ихъ, я позволилъ бы себѣ подраздѣлить Печорскій край на 6 слѣдующихъ этнографическихкихъ районовъ: 1) Пермско-Русская или Верховая Русская Печора, 2) Вологодско-Зырянская или Сысольско-зырянская Печора. 3) Архангельско-Зырянская или Ижемско-Зырянская Печора, 4) Архангельско-Русская или Низовая Русская Печора, 5) Осѣдло-самоѣдскій районъ—Колва и 6) Кочевой самоѣдскій районъ или Тундра¹⁾.

Я долженъ ограничиться теперь этими общими свѣдѣніями о посѣщенномъ мною Печорскомъ населеніи. Долго было бы говорить о тѣхъ любопытныхъ историческихкихъ данныхъ, и письменныхъ и устныхъ, которыя удалось мнѣ добыть въ различныхъ мѣстностяхъ обширнаго края.

Описаніе занятій промысловъ жителей взяло бы много мѣста. Этнографическія характеристики, бытъ общественный и бытъ семейный съ его особенностями и религиозное состояніе народа²⁾—все это вмѣстѣ невозможно уложить въ тѣсныя рамки одного сообщенія. Много узналъ я путемъ разспросовъ, многое видѣлъ я воочию въ этой странѣ, исполненной контрастовъ пышнаго богатства и убогой бѣдности, въ странѣ полной преданій о разбойникахъ и кладахъ; я лично участвовалъ съ крестьяниномъ въ разысканіи и разрываніи клада въ таинственномъ угрюмомъ лѣсу среди пустыни; мимо меня проходили торжественныя свадебныя процессіи въ ихъ древнемъ величіи, съ другой стороны на моихъ глазахъ среди страшныхъ мученій безпомощно изнемогали и умирали малютки жертвою страшной скарлатины, почти ежегодно уносящей крупный процентъ юныхъ еще неокрѣпшихъ обитателей суроваго края... Но

7-го апрѣля 1890 г. постановилъ командировать г. Истомина въ помянутыя волости на лѣто 1890 г. для продолженія начатыхъ имъ въ 1889 г. изслѣдованій.

Ред.

¹⁾ Болѣе подробно объ этомъ мною сообщено въ засѣданіи Географической секціи VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей, 3-го января 1890 г. („Объ этнографическомъ изученіи Печорскаго края“).

²⁾ Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Слав. Бл. Общества, 25-го января и напечатано въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, № 19. 1890 г.

всему этому мѣсто не въ сообщеніи, а въ книгѣ о Печорскомъ краѣ.

6-го августа выѣхалъ я изъ Печорскаго края по р. Цыльмѣ, Чиркѣ, Рочугѣ и Пезѣ, на Мезень. Тяжело было попадать на Печору, еще труднѣе выбираться съ нея. 748 в. отъ Усть-Цыльмы до Мезени потребовали 18 сутокъ, исполненныхъ лишеній и труда. Путь проложенъ по порожистымъ и мелкимъ рѣкамъ среди пустынныхъ мѣстностей лишь съ незначительнымъ числомъ ничтожныхъ деревень. Дневная работа до усталости съ шестомъ въ рукахъ, наравнѣ съ измученными ямщиками, постоянное промоканіе въ водѣ, когда приходится тащить свою лодку по обмелѣвшему руслу и даже разрывать весломъ песокъ и расчищать для нея проходъ; холодныя и темныя ночи въ отсырѣвшей лодкѣ съ мокрою одеждою; или въ лучшемъ случаѣ ночевка въ дымной и чадной курной промысловой избушкѣ, питаніе заплеснѣвшимъ хлѣбомъ, да тѣмъ, что удастся добыть ружьемъ; вотъ лишенія и тягости пути, о которомъ можно рассказать цѣлую эпопею, на ряду съ его любопытными достопримѣчательностями, въ родѣ заброшенныхъ исторически извѣстныхъ рудниковъ, гдѣ добыто первое русское серебро, и многими другими¹⁾.

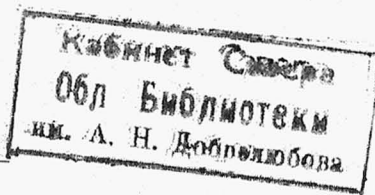
Если Нерпинскій волокъ я назвалъ чернымъ, то этому пути я затруднился бы дать имя. Кажется, было бы справедливымъ не только не называть его никакъ, но забыть, забросить вовсе и замѣнить другимъ, тѣмъ болѣе, что есть эта возможность. Мѣстные крестьяне по своему почину прошли новый путь и, поднявъ о немъ вопросъ, встрѣтили сочувствіе властей; остается пожелать, чтобъ этотъ путь, имѣющій пройти борами и лѣсами и соединить среднее течение рѣки Мезени съ исходнымъ и центральнымъ пунктомъ для всего Печорскаго края, съ селеньемъ Усть-Цыльмой, осуществился. Замѣна эта, сокращая значительно весь путь, даетъ возможность пройти здѣсь сухопутному почтовому тракту. Осуществленіе ея облагодѣтельствуетъ не только мѣстное населеніе, за ничтожную плату выносящее всѣ муки и въ корень подрывающее на этомъ пути свое здоровье, оно облагодѣтельствуетъ и всѣхъ тѣхъ, кому приходится

---

¹⁾ Отъ лишеній на этомъ пути, въ мелководье, не избавляетъ ни санъ, ни положеніе путешественника; ихъ испытывалъ архангельскій губернаторъ князь Н. Д. Голицынъ, имъ же подвергался и сочленъ нашъ сенаторъ, князь Г. С. Голицынъ, предпринявшій путешествіе на Печору въ 1887 году и вывезшій оттуда немало любопытныхъ матеріаловъ и весьма цѣнныхъ данныхъ.

попадать въ тотъ край по службѣ и нерѣдко съ семьей переносить тяжелыя лишенія, не говоря уже о томъ, что государственная почта прекратить свое движеніе по невѣроятному доселѣ почтовому тракту.

Достигнувъ благополучно Мезени, я черезъ Архангельскъ, Вологду и Москву возвратился въ Петербургъ, совершивъ такимъ образомъ кругъ въ 7820 в., изъ коихъ на долю желѣзныхъ дорогъ приходится 1631 в., пароходовъ 2482 в., на лошадяхъ 1000 в. и 2704 версты исключительнаго и непрерывнаго плаванія въ лодкѣ.

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXVI тома „Извѣстій“ Общества.